

Его сегодняшний поцелуй и тот умышленный порез шеи Тан Юаньяна, а также много лет назад, когда он промок под ливнем и заболел, — всё это было одного порядка, без разницы.

— Когда ты только вернулся, ты, на самом деле, хотел увлечь меня в падение, да? Конечно, это твоя ошибка, я и так уже пал, просто из-за тебя старался быть человеком.

Лай Ли опустил голову, прижался к шее Дай Линьсюаня, губы скользили по его шее:

— Потом ты вдруг, как будто «осознав свою совесть», поднял ненужную мораль и чувство вины, считая, что как старший брат не должен так поступать...

Дай Линьсюань дрогнул ресницами, слегка отстранив шею.

Лай Ли медленно продолжал:

— На самом деле, всё это из-за той ночи два года назад, когда мы спали вместе, тогда уже появился другой уровень отношений, но вскоре я сделал что-то, что огорчило тебя, и ты решил уехать за границу.

— Вернувшись, всё, что ты делал, было основано на том, что ты думал, будто я всё помню, как своего рода мечь? Но в один день... я думаю, это было в тот день, когда я отнёс кольцо на аукцион, ты вдруг осознал, что я не помню, и с тех пор каждый день ты был погружён в чувство вины, верно?

Дай Линьсюань молчал.

— Но, брат, у меня действительно нет привычки терять память, даже если я выпью целую бутылку виски, я не опьянею до потери сознания. — Лай Ли поднял голову, встретившись с опущенным взглядом Дай Линьсюаня. — Сколько я выпил той ночью?

Дай Линьсюань невольно погрузился в воспоминания, всё той ночи он помнил ясно, как будто это было вырезано на костях, став единственным утешением за последние два года, а также доказательством, которое, когда он осознал, что Лай Ли не помнит, отправило его в ад.

Той ночью они выпили не так много, шесть или семь коктейлей, градус был невысокий, он даже не опьянел, не говоря уже о Лай Ли, который с шестнадцати лет «гулял» с Цзин Дэюем и компанией.

Дай Линьсюань тихо вздохнул:

— Так почему же ты не помнишь? Голову дверью прищемил?

Его брат редко был саркастичен, но Лай Ли не обращал на это внимания, взвешивая в уме, что и сколько сказать.

Дай Линьсюань опустил взгляд и усмехнулся, похлопав Лай Ли по пояснице:

— Вставай, это не такая уж большая проблема...

— Я подал заявление на академический отпуск, — внезапно сказал Лай Ли.

— Академический отпуск? — Дай Линьсюань резко поднял глаза, нахмутив брови. — Такое важное дело, и ты даже не сказал? Ты действительно больше не считаешь меня братом, да!?

— Сказал бы ты согласился? — спросил Лай Ли.

Дай Линьсюань глубоко вдохнул:

— Зачем тебе академический отпуск?

— Чтобы лечиться, — ответил Лай Ли.

— ...Что? — Дай Линьсюань был ошеломлён.

— Ты же знаешь? Я хожу к психологу. — Лай Ли улыбнулся стандартной улыбкой. — Я болен, я даже не знаю, как это назвать, амнезия? Шизофрения? Не только той ночью, на самом деле, я много чего не помню.

— Я... — начал Дай Линьсюань.

— Ты, конечно, не знаешь. — Лай Ли прикрыл его рот рукой, его глаза стали тёмными. — Я больше всего хотел скрыть это от тебя, и потратил на это больше всего усилий, откуда тебе знать?

Дай Линьсюань посмотрел на рану на щеке Лай Ли, его брови сжались ещё сильнее.

Лай Ли заметил его взгляд и равнодушно сказал:

— О, это я сам себе не сделал, у меня нет привычки причинять себе вред, а... если останется шрам, и это испортит моё лицо, ты всё ещё будешь меня любить?

Дай Линьсюань убрал его руку, решительно прижав к боку:

— Объясни, что за болезнь?

Лай Ли облизал губы и снова спросил:

— Брат, у меня психическое расстройство, ты всё ещё меня любишь?

Дай Линьсюань не сдержался и шлёпнул его по заднице:

— Лай Ли!

Разве сейчас время для таких вопросов? Ему действительно нужна его любовь?

В то же время в его сердце бушевало недоверие, как Лай Ли мог заболеть? Как долго? По какой причине?.. Он ничего об этом не знал.

— Люблю, люблю в любом случае. — Дай Линьсюань терпеливо, мягко успокоил его. — Если не знаешь, что за болезнь, то хотя бы симптомы ты должен знать.

Лай Ли не ответил прямо, помолчав некоторое время, сказал:

— Брат, я не специально сделал вид, что ничего не произошло после того, как мы переспали, и не специально разбил кактус... и то кольцо.

Дай Линьсюань сейчас не мог разделить его эмоции, он чувствовал только страх.

Если Лай Ли действительно болен, а он, как старший брат, так долго ничего не замечал... то это действительно крайняя степень безответственности.

— Судя по тому, что я знаю о тебе, той ночью ты не мог быть инициатором. — Лай Ли наклонился, потеревшись щекой о лицо брата, и немного самодовольно улыбнулся. — Так что тебе не нужно чувствовать вину, это всё моя ошибка.

Лай Ли схватил телефон и швырнул его на ковёр:

— Это не простуда, ты не сможешь найти врача, который вылечит меня за одну ночь.

— Тогда завтра, я сейчас свяжусь с врачом... — сказал Дай Линьсюань.

— Сейчас давай разберёмся с нашими делами, — не уступал Лай Ли.

— Наши дела уже разобраны. — Брови Дай Линьсюаня так и не разжались, он отчитал его. — Ты сам сказал, что это не простуда, не относись к этому как к... игрушке.

Лай Ли, видя, что его брат всё ещё в таком настроении, окончательно потерял терпение, он схватил руку Дай Линьсюаня и прижал к себе:

— Ты говоришь, что у меня есть желание контролировать тебя, это тоже желание контроля?

Дай Линьсюань за тридцать лет видел разных людей, но никто не вызывал у него такого абсурдного чувства, как Лай Ли, раздражение и беспомощность.

Они были на разных волнах, он заботился о состоянии Лай Ли, а Лай Ли хотел только достичь своей цели.

— Брат. — Лай Ли уткнулся в его шею, сильно прижавшись. — Просто сделаем ещё раз то, что было той ночью, и я вспомню.

Дай Линьсюань закрыл глаза, окончательно рассмеявшись. По сравнению с его уже угасшей реакцией, Лай Ли действительно оставался на пике.

Лай Ли другой рукой обнял его за плечи, ещё глубже уткнувшись лицом, одновременно засунув его руку в пояс брюк:

— Потрогай... брат, прошу.

После слов «прошу» всё пошло своим чередом.

Дай Линьсюань молча позволил всему происходящему, его голос стал хриплым:

— Разберёмся с этим и пойдём спать, больше не дури.

— Я не дурачусь. — Лай Ли опустил голову, упёршись в плечо Дай Линьсюаня, закрыв глаза.

Его уши вдруг стали пустыми, тиканье часов и стук дождя за окном превратились в фоновый шум, а звук растёгивающейся молнии и шуршание ткани стали бесконечно громкими, как и дыхание его брата, которое стало тяжелее, но он старался его сдерживать.